

УДК 341.218

Введенская В.В.,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Академия Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики
имени Ф.Э. Дзержинского

Vvedenskaya V.V.,

*Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Donetsk People's Republic after F.E. Dzerzhinskiy*

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА – ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВО ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье исследуется проблематика международного признания Донецкой Народной Республики и предпринимается попытка дать определение, наиболее полно отражающее ее международно-правовой статус на современном этапе развития.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика (ДНР), непризнанное государство, самопровозглашенное государство, де-факто государство.

DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IS A DE FACTO STATE OF THE POST-SOVIET SPACE

The article examines the problems of international recognition of the Donetsk People's Republic and attempts to define it as fully reflecting its international legal status at the present stage of development.

Key words: *the Donetsk People's Republic (DPR), unrecognized state, self-proclaimed state, de facto state.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. События февраля 2014 года на Украине, позже названные государственным переворотом, спровоцировали противостояние и гражданскую войну, а также возникновение двух новых государственных образований – Донецкой и Луганской Народных Республик.

07 апреля 2014 года на Съезде представителей административно-территориальных образований Донецкой области были оглашены Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики. 11 мая 2014 года на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР, Республика) прошел референдум, в ходе которого подавляющее большинство граждан поддержали ее суверенитет.

Однако, несмотря на легализацию и легитимацию государственной власти населением соответствующей территории, подавляющее большинство государств по настоящее время не признают ДНР равной себе.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. Проблеме признания самоопределившихся государств посвятили свои работы А.А. Аванесян, А.Г. Большаков, М.К. Джиоев, И.К. Джиоева, В.А. Дякону, В.Е. Журавлев, Николас Лемэй-Хеберт, С.М. Маркедонов, Т.В. Орлова, Пегг Скотт, С.Г. Сизов и многие другие.

В большинстве научных публикаций, непосредственно касающихся государственности Донецкой Народной Республики, освещаются причины возникновения

ДНР, проблемные вопросы определения ее правового статуса как государственного образования и перспективы развития, в первую очередь, международного признания, что рассматривается в работах В.Л. Агапова, Г.А. Борщевского, А.В. Броваря, С.А. Кислицына, А.И. Левченкова, Е.В. Охотского, О.В. Онопко, В.И. Сальникова и др.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. Несмотря на активизацию научного интереса к феномену Донецкой Народной Республики, ее государственность однозначного определения до настоящего времени не получила. К ДНР применяют термины «непризнанное государство», «частично признанное государство», «квазигосударство» «псевдогосударство», «самопровозглашенное государство» и т.п.

Формулировка целей статьи. Целью настоящей статьи является обоснование определения, наиболее полно отражающего международно-правовой статус Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Конвенцией Монтевидео о правах и обязанностях государств, подписанной на Седьмой Международной Конференции Американских Государств в г. Монтевидео 26 декабря 1933 года, установлены признаки, которыми должно обладать государство, как субъект международного права (статья 1 Конвенции Монтевидео):

- постоянное население;
- определенная территория;
- правительство;
- способность к вступлению в отношения с другими государствами [1].

Несоответствие последнему из перечисленных признаков в научной литературе трактуется как неполучение международного признания [9, с. 175-176]. На этом основании как в научных трудах, так и публицистических материалах сформировалось устойчивое мнение, что на данный момент Донецкая Народная Республика соответствует трем из четырех установленных международным правом признаков государства.

С этим мы не можем согласиться, поскольку в официальном тексте Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств, изданном на четырех языках: испанском, английском, французском и португальском, речь идет не о признании, а именно о способности (возможности) вступать в отношения:

- (*испанский*) «IV. Capacidad de entrar en relaciones con los demas Estados»;
- (*английский*) «(d) capacity to enter into relations with the other States»;
- (*французский*) «IV. Capacite d'entrer en relations avec les autres Etats»;
- (*португальский*) «4. Capacidade de iniciar relacoes con os demais Estados» [1].

Возможность вступления ДНР в отношения с другими государствами заложена в Конституции Донецкой Народной Республики и подкреплена положениями Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики, утвержденной Указом Главы ДНР от 01.03.2019 № 56, в которой достижение признания права на суверенитет ДНР мировым сообществом, увеличение количества государств, признавших независимость Республики, – закреплено в качестве одной из целей внешней политики ДНР [12].

Однако способность (возможность) ДНР вступать в международные отношения ограничена потребностью (и возможностью) иных государств принимать ДНР в сферу своих правоотношений, поскольку последние являются процессом обоюдным.

Противоречие между сложившейся социальной реальностью самоопределившегося государства, получившего внутреннюю легитимацию, и формальными правилами, необходимыми для официального дипломатического признания, по мнению

В.Е. Журавлева, лежит в основе феномена непризнанных государств. Проблема в отношении внешней легитимации непризнанных государств состоит в противоположности двух основополагающих принципов международного права: территориальной целостности государства и права народа на самоопределение. Данное обстоятельство указывает на кризисные тенденции, которые существуют в международном праве как социальном институте, в нынешних условиях уже неспособном выполнять свою основную функцию – регулятивную [8, с. 35].

Основополагающие принципы современного международного права – право народов на самоопределение и территориальная целостность государства – по мнению М.К. Джиева, не исключают, а дополняют друг друга, поскольку каждый из них имеет свою сферу применения. Принцип территориальной целостности действует в сфере межгосударственных отношений. Его цель – защита одного государства от посягательства извне со стороны другого государства. Принцип же самоопределения регулирует отношения между народом как первичным носителем территориальных прав и государством, которому он делегирует осуществление своих прав и которое обязано действовать от имени и в интересах управляемого народа. «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г., прямо указывает, что территориальная целостность государств должна основываться на самоопределении народов. Осуществление народами права на самоопределение не рассматривается как нарушение территориальной целостности. Международное право, делает вывод М.К. Джиев, защищает территориальную целостность только тех государств, чьи границы основаны на самоопределении народов [5, с. 29-30].

Образование и признание новых государств, как отмечает А.А. Аванесян, зачастую являются результатом долгого противостояния двух принципов международного права: права наций на самоопределение и территориальной целостности государства. Однако немаловажную роль в данном процессе играет политика, проводимая ведущими странами мира. Одни субъекты международного права признавались независимыми, в то время как другие, идентичные в истории своего развития, оценивались лишь как сепаратистские движения. В качестве примера приводится международно-правовой прецедент с признанием независимости Косово. Прогнозируется, что он может негативно отразиться на урегулировании межэтнических столкновений по всему миру и распространиться на постсоветское пространство [3, с. 216].

Разговоры об «уникальности» косовского случая, невозможности распространения косовского прецедента на постсоветское пространство, полагает М.К. Джиев, – это попытки Запада обойти международно-правовые нормы, сохранить двойные стандарты в деле урегулирования конфликтов в разных регионах, произвольно применять принципы международного права в зависимости от конкретного случая. Чем раньше международное сообщество откажется от двойных стандартов в отношении отдельных государств и регионов, тем легче будет достичь справедливого урегулирования конфликтов и стабильности в регионах. Об уникальности косовского варианта урегулирования можно говорить только в том случае, если он послужит прецедентом для разрешения и других конфликтов, если он станет универсальным. Тем более, что оснований для легитимизации пока непризнанных государств на постсоветском пространстве, в частности Республики Южная Осетия, больше, чем у Косово [8, с. 29].

Не углубляясь в проблематику международного признания ДНР, что является предметом отдельного исследования, сосредоточимся на определении термина, которым можно обозначить современное состояние Донецкой Народной Республики как государства.

В.Е. Чиркин с своей работе «Государствоведение» (2000 год) относит Республику Абхазия и Приднестровскую Молдавскую Республику к самопровозглашенным государствам, не признанным мировым сообществом [16, с. 47-48]. Очевидно, что и Донецкая Народная Республика заняла бы место в этом ряду.

Т.В. Орлова в работе «История новых независимых государств: Postsoveticum» (2010 год), применяя к бывшим республикам СССР термин «новые независимые государства», к которым относит и Украину [13, с. 5], отмечает, что в мировой и отечественной научной и публицистической литературе последних лет утвердился термин «постсоветское пространство». Это не просто удобный и политически нейтральный термин для обозначения территории бывшего СССР и всех явлений и процессов, которые здесь происходят. Постсоветское пространство – прежде всего, особая социальная и политическая реальность, противоречивая целостность которой обусловлена и общностью (часто многовековой) предшествующего развития народов, ее составляющих, и особенно общностью советского социалистического этапа их истории. Советского Союза как единого государства больше нет. Однако становление новых государств происходит годами и даже десятилетиями. И пока будет продолжаться этот процесс, несмотря на все изменения, которые произошли и еще произойдут в его прежних частях, общее историческое наследие, общность социально-экономических условий и проблем в течение достаточно длительного времени будут оставаться факторами, серьезно влияющими на все явления и процессы в этой части мира [13, с. 410].

Признавая связь между провозглашением суверенитета Косово в 2008 году и намерениями самопровозглашенных республик постсоветского пространства, Т.В. Орлова выделяет общие особенности состояния и развития ситуации в конфликтных зонах на постсоветском пространстве (за исключением Таджикистана), сложившихся на конец 2000-х годов:

1) провозглашение на территориях Приднестровья, Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии самостоятельных государственных образований, которые имеют свои законодательные и исполнительные органы власти, вооруженные силы и другие атрибуты государственности;

2) ни одно из этих самопровозглашенных государств не получило признания со стороны других стран мира;

3) практически во всех конфликтных зонах осуществляются миротворческие операции (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) или размещены российские военные базы (Армения, Таджикистан). Основу миротворческих сил составляют подразделения российской армии;

4) все четыре самопровозглашенные республики твердо решили ни при каких условиях не возвращаться в состав тех бывших советских республик, под юрисдикцией которых они находились во времена СССР;

5) в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии проживает большое количество российских граждан, что дает основание России заявлять об обязанности защищать своих соотечественников;

6) в зонах конфликтов всегда ухудшается криминогенная ситуация, которая потом не исчезает, а дестабилизирует не только местную ситуацию, ведь криминальные элементы пересекают границы и оказывают свой «промысел» в других странах (грабеж, рэкет, похищения людей, наркотрафик, незаконная торговля оружием, мошенничества, финансовые аферы и т.д.) [13, с. 433-434].

С.Г. Сизов, акцентируя внимание на активной деятельности России по обеспечению своих интересов на постсоветском пространстве после многих лет отступления в вопросах влияния в странах бывшего СССР, отмечает, что появление непризнанных государств на постсоветском пространстве было вызвано многими

факторами. Главным образом тем, что границы внутри СССР не соответствовали этническим границам, национальным интересам русского народа, но также интересам абхазов, осетин, армян и некоторых других народов. При этом им используется термин «непризнанные государства постсоветского пространства» [14, с. 124].

Само понятие «непризнанное государственное образование», полагает А.Г. Большаков, достаточно условно и может использоваться в научном плане лишь с определенными допущениями. Но оно является более точным при обозначении реальных феноменов постсоветского пространства, чем широко употребляемые термины «непризнанные государства», «непризнанные территории». Понятие «непризнанное государство» не совсем корректно в дискурсе международного права, словосочетание «непризнанная территория» достаточно публицистично и неточно, поскольку отражает лишь один признак государственности, а Абхазия, Карабах, Приднестровье и даже Южная Осетия обладают целым рядом существенных признаков государства. Речь идет не только о территории и проживающем на ней населении – можно говорить о давно сформированных и функционирующих институтах публичной власти, механизмах ее формирования (прежде всего, выборы), целом ряде политических и правовых институтов, которые наличествуют в любом независимом государстве: армия, силы правопорядка, собственная система права, гражданство и т.п. На перечисленных выше территориях существует своя экономика, наличествуют собственные налоговые системы и т. п. Практически все непризнанные государственные образования имеют внешние связи с различными государствами мира, хотя полномочия и количество подобных государств ограничено. При этом ни одно из непризнанных государственных образований не является субъектом международного права (они не признаны в качестве такового международным сообществом) [4, с. 129-130].

И.К. Джиеова применяет термин непризнанные или частично признанные государства на постсоветском пространстве, появление которых стало объективной реальностью, с которой приходится считаться и государствам, претендующим на эти территории, и всем другим субъектам международного права. Становится все более очевидным, что, принятые ООН два основных принципа послевоенного устройства мира (территориальной целостности государств и права наций на самоопределение) вступают в противоречие в условиях, когда правящими кругами отдельных государств игнорируются интересы национальных меньшинств и отдельных групп населения. Непризнанные квазигосударства де-факто осуществляли контроль над своей территорией, обладали собственным флагом, гимном, милицией, таможней и армией. Но контроль над территорией еще не означает полного контроля, который возможен только при наличии правовой легитимации действующей власти со стороны значительного числа других государств [6].

Префикс квази-, означающий ложность, мнимость значения того слова, к которому присоединяется, используется и в работах В. Дякону, характеризующему Приднестровье как квазинезависимое государство, расположенное в восточной части Республики Молдова на левом берегу Днестра [7, с. 371].

Ситуация с квазигосударствами проясняется в работах Скотта Пегга, который применяет этот термин к государствам, образовавшимся в результате процесса деколонизации в середине XX века. «В послевоенную эпоху произошло массовое предоставление государственности большому количеству бывших колоний, лишь немногие из которых, если вообще таковые были, продемонстрировали эмпирические возможности... Однажды обретенная суверенная государственность практически не может быть потеряна. Малые и/или слабые государства, которые ранее были бы разделены, колонизированы или поглощены более крупными державами, теперь имеют гарантированное существование в международном сообществе.

В результате сформировалась международная система, характеризующаяся большим количеством того, к чему Джексон (речь идет о работе: James Mayall. *Nationalism and International Society*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 56 p.) применяет термин «квазигосударства»: государства, признанные на международном уровне как юридически равные, обладающие теми же правами и преимуществами, что и любое другое государство, но, несмотря на это, которым явно не достаёт всего, кроме самых элементарных эмпирических возможностей.

У квазигосударства есть флаг, посол, столица и место в Генеральной Ассамблее ООН, но оно не функционирует безусловно, как жизнеспособный руководящий орган. Оно в целом неспособно к предоставлению своему населению услуг, и сфера его управления зачастую не распространяется за пределами столицы, и хорошо, если распространяется хотя бы там.

Та же самая нормативная логика в международном обществе, которая служит поддержанию существующих квазигосударств, в то же время отрицает законность любых потенциальных претендентов независимо от того, насколько законны их жалобы, сколь широка их народная поддержка и насколько эффективно их правительство.

Это, таким образом, облегчает создание чего-либо, что является более или менее противоположным квазигосударству: де-факто государство. По сути, де-факто государство существует там, где есть организованное политическое руководство, которое пришло к власти, благодаря, в некоторой степени, местному потенциалу, имеет народную поддержку и достигло уровня возможности предоставления государственных услуг данному населению на данной территории, эффективный контроль над которой удерживает в течение длительного времени.

Де-факто государство считает себя способным вступить в отношения с другими государствами и стремится к полной конституционной независимости и широкому международному признанию в качестве суверенного государства. Однако оно не может достичь какой-либо степени признания независимости и поэтому остается незаконным в глазах международного сообщества» (перевод с англ. – В.В.) [2].

Развивая проблематику де-факто государств, С. Маркедонов еще в 2012 году (за два года до вхождения Крыма в состав России и провозглашения независимости Донецкой и Луганской Народных Республик) рассматривал Донбасс как угрозу территориальной целостности Украины: «26 августа 2008 г. – в день, когда президент РФ Дмитрий Медведев подписал указ о признании независимости двух бывших грузинских автономий, – пишет С. Маркедонов, – постсоветское пространство стало другим. Беловежские принципы, то есть признание границ между союзными республиками как границ между новыми государствами, более не действуют как универсальное правило. И в какой точке процесс самоопределения остановится, пока не ясно...».

«Практически для всех исследований по данной теме, – продолжает С.М. Маркедонов, характерен «геополитический детерминизм». Социально-политическая ситуация в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и Нагорном Карабахе анализируется прежде всего в контексте геополитической конкуренции России и США, России и Европейского Союза, России и НАТО. Внутренняя динамика в непризнанных образованиях, государственное строительство и формирование идентичности в них остается вне поля зрения экспертов.

Вместо того чтобы видеть в этих образованиях самостоятельную политическую среду, де-факто государства воспринимаются только в контексте их взаимодействия с внешними игроками и мирными процессами. Отсюда и принятые в европейской и американской политологической литературе термины для обозначения постсоветских непризнанных/частично признанных республик: «breakaway republics», «separatist states» или «quasi-states», т.е. «отошедшие республики», «сепаратистские государства» или

«квазигосударства». Таким образом, имманентно предполагается, что «отошедшие» республики в перспективе могут «вернуться», а квазигосударственность будет конвертирована в «настоящую». При этом такое возвращение рассматривается как разрешение этнополитического конфликта. Фактически восстановление территориальной целостности Грузии, Азербайджана и Молдовы отождествляется с отказом Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха и Приднестровья от «квазигосударственности». Следствием подобного подхода стало рассмотрение всех внутривнутриполитических процессов в де-факто республиках как явлений «временных», «ненастоящих», которые будут ликвидированы в тот самый момент, когда ныне существующий статус-кво будет нарушен, а статус «спорных земель», напротив, будет определен» [10, с. 9-12].

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. Таким образом, выбирая термин, наиболее подходящий для определения государственности Донецкой Народной Республики, мы исходим из следующих положений:

1. ДНР бесспорно удовлетворяет трем из четырех признаков государства как субъекта международного права, установленных Конвенцией Монтевидео: постоянное население; определенная территория; правительство, и частично удовлетворяет четвертому признаку – способность/возможность к вступлению в отношения с другими государствами. Последнее обусловлено тем, что попытки Республики установить международные связи ограничиваются государствами, являющимися наиболее сильными игроками на мировой политической арене, которые рассматривают ДНР как «временное явление» на территории признанного государства Украина, подразумевая, что данное явление рано или поздно будет разрешено путем упразднения государственности ДНР и возвращения территорий в Украину.

2. К ДНР неприменим термин «непризнанная территория», поскольку ДНР – это не только территория, но, в первую очередь, организация политической власти, содействующая осуществлению интересов населения, проживающего в пределах данной территории.

«Непризнанность» ДНР также спорна. Так, например, 19 февраля 2016 года подписано Соглашение о сотрудничестве в законотворческой деятельности между Народным Советом Донецкой Народной Республики и Народным Советом Луганской Народной Республики [15], а 14 декабря 2017 года Народным Советом ДНР ратифицирован Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Донецкой Народной Республикой и Республикой Южная Осетия [11].

3. ДНР, несомненно, относится к постсоветскому пространству, поскольку отошедшие к ней территории ранее входили в состав Донецкой (Сталинской) области Украинской Советской Социалистической Республики. Кроме того, ДНР рассматривается мировым сообществом как «временное явление», подлежащее возвращению под контроль постсоветской Украины.

4. ДНР не может рассматриваться в качестве «квазигосударства», признанного на международном уровне юридически равным, обладающим теми же правами и преимуществами, что и любое другое государство, но неспособного к предоставлению своему населению услуг, сфера управления которого едва ли распространяется за пределами столицы.

На основании изложенного выше, полагаем, что наиболее приемлемым термином для определения государственности Донецкой Народной Республики является «де-факто государство постсоветского пространства».

Список использованной литературы

1. Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26th, 1933 // LEAGUE OF NATIONS. Treaty Series Treaties and international Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. – URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280166aef> (дата обращения 19.07.2020). – Текст: электронный.
2. Pegg, S. De Facto States in the International System / Scott Pegg // Institute of International Relations. The University of British Columbia. – Working Paper No. 21. – February, 1998. – 26 p. – URL: <http://www.liu.xplorex.com/sites/liu/files/Publications/webwp21.pdf> (дата обращения 25.07.2020). – Текст: электронный.
3. Аванесян, А.А. Влияние косовского прецедента на судьбу Абхазии и Южной Осетии // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 216-218. – Текст: непосредственный.
4. Большаков, А.Г. Непризнанные государственные образования постсоветского пространства: казус Нагорного Карабаха // Ученые записки Казанского государственного университета. – Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149 – Кн. 3. – С. 129-145. – Текст: непосредственный.
5. Джиоев, М.К. Независимость Республики Южная Осетия как реализация суверенного права ее народа // От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2008. – 240 с. – Текст: непосредственный.
6. Джиоева И.К. Предпосылки образования непризнанных государств на постсоветском пространстве // Вестник ВУиТ. – 2013. – №1(27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-obrazovaniya-nepriznannyh-gosudarstv-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 19.07.2020). – Текст: электронный.
7. Дякону, В. Приднестровский конфликт: замороженный, но разрешимый // Центральная Азия и Кавказ (Специальный выпуск). – 2008. – № 3-4 (57-58). – С. 370-380. – Текст: непосредственный.
8. Журавлев, В.Е. О подходах к проблеме признания самоопределившихся государств // От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия. – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2008. – 240 с. – Текст: непосредственный.
9. Лемэй-Хеберт, Н. Раскаленный «замороженный конфликт»: конкурирующие попытки государственного строительства в Южной Осетии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5(59). – С. 175-186. – Текст: непосредственный.
10. Маркедонов, С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства, Аналитические доклады Института Кавказа, №5, январь 2012 / С. Маркедонов; Науч. ред.: Александр Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с. – Текст: непосредственный.
11. О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Донецкой Народной Республикой и Республикой Южная Осетия. Закон Донецкой Народной Республики от 14.12.2017 № 197-ИНС // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Законодательство. – URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2017/12/ZakonNS_197_INS_O_Ratfkcdogovora.pdf (дата обращения 26.07.2020). – Текст: электронный.
12. Об утверждении Концепции внешней политики Донецкой Народной Республики. Указ Главы Донецкой Народной Республики 01.03.2019 № 56 // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Законодательство. – URL:

http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2019/03/Ukaz_N56_01032019.pdf (дата обращения 19.07.2020). – Текст: электронный.

13. Орлова, Т.В. Історія нових незалежних держав: Postsovieticum : навч. посіб. / Т.В. Орлова. – Київ: Знання, 2010. – 487 с. – Текст: безпосередній.

14. Сизов, С.Г. Непризнанные государства на постсоветском пространстве и позиция России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 1(13). – С. 124-128. – Текст: непосредственный.

15. Соглашение о сотрудничестве в законотворческой деятельности между Народным Советом Донецкой Народной Республикой и Народным Советом Луганской Народной Республики от 19 февраля 2016 года // Сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. – Международная деятельность. – URL: <https://www.nslnr.su/international/9563/> (дата обращения 26.07.2020). – Текст: электронный.

16. Чиркин, В.Е. Государствоведение: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юристъ, 2000. – 384 с. – Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022